

КНИГА ПЕРВАЯ

1. ОБИТАТЕЛИ СЕМИ БЕЛЫХ ДОМОВ

Рано утром, с восходом солнца, на дворе появился Доктор Туркеев.

Население семи домов, никогда не терявших своей великолепной белизны, еще спало. Только козлиное семейство одиноко бродило возле цветника с очевидным намерением проникнуть в него да пес Султан, заметив Сергея Павловича, глупо заулыбался и побежал навстречу.

Сегодня в пять часов вечера Сергей Павлович поедет в город к жене и дочери. Он не видел их с прошлого понедельника. Жена опять будет бояться — как бы зараза не проникла в дом. Она заставит его принять ванну из раствора сулемы, сменить белье, одежду и только тогда впустит в столовую или спальню.

Она не любит его работы и считает Туркеева фанатиком. Так же, как всегда, Сергей Павлович молча выполнит все ее требования, а завтра опять, стараясь смотреть в сторону, намекнет ей о переезде из города — туда, в поселок, в степь. И снова жена равнодушно назовет его «сумасшедшим», и опять он поедет к месту службы один.

Доктор свыкся с безнадежностью переезда семьи так же, как свыкся со своей работой в этом поселке, одно название которого нагоняет страх на самых отважных людей...

Вслед за доктором Туркеевым встала Лидия Петровна. Она постояла у зелени, окутавшей веранду и облитой ночным дождем, поправила оборвавшиеся гирлянды ползучих цветов и вышла во двор. Доктор Туркеев устремил свою острую бородку туда, где стояла девушка, и сказал, шурясь на ее полузаспанное лицо:

— Как же это вы, батенька, проморгали такое прекрасное утро? Ну, скажу вам, и восход был сегодня... А вы спаньем занимаетесь. Бить вас надо.

Она обрадовалась хорошему настроению доктора и погладила подбежавшего к ней Султана.

— А подружка ваша еще дрыхнет?.. Нет, — сказал он, подумав, — если вы так будете спать, из вас не получится хороших врачей. Да-с. Ваша Вера Максимовна отродясь не видела, вероятно, настоящего солнечного восхода и видеть не желает... Это, батенька, не годится...

Лидия Петровна и Вера Максимовна работали лаборантками при амбулатории.

В прошлом году они обе кончили медицинский институт и по собственному желанию выбрали работу в поселке, находящемся в этой глухой степи. Они, конечно, скучали по городу, по театрам, по знакомой, привычной среде, а радиоконцерты, которые слушали они каждый вечер у себя в комнате, не могли удовлетворить их, так же как не удовлетворяли работы по вышиванию, как не могли удовлетворить книги и письма, приходившие из города один раз в неделю.

Но они были молоды. Чувство долга и любопытство торжествовали над всем остальным.

Лидия Петровна обожала доктора Туркеева, как обожают маленькие дети взрослых. Ей льстило, когда он первый начинал с нею разговаривать. Она считала его величайшим мастером своего дела, и во всем, что бы ни говорил он, девушка искала какой-то таинственный смысл, на который она никогда сразу не могла подобрать достойного ответа и всегда смущалась.

— Ну, если хотите, поедemте сегодня в город, — сказал он.

— С радостью, Сергей Павлович... — и не знала, о чем говорить дальше.

Ее выручил подошедший Пыхачев. Его сорокапятiletняя лысая голова блестела на солнце, глаза улыбались. По должности заведующего хозяйством, ответственного за урожай, Пыхачев больше чем кто-либо был в восторге от пронесшейся ночью грозы. Великолепие утра его нисколько не интересовало.

Дней через десять можно начать покос. Только одно обстоятельство беспокоило его: хватит ли на уборку людей?

Он поправил на высоком, круглом животе шнурок и потрепал самодовольную морду Султана, успевшего тщательно обнюхать его белый костюм.

— Этот подлец вчера загнал куда-то в овсы барана. До сих пор нет. Вздумал, мерзавец, поиграть... Шуточки... Где баран, негодяй?

Султан снисходительно сунул морду в руку Пыхачева и тем самым дал понять, что вчерашнее событие с бараном его насколько не интересует.

— Выдрать, — посоветовал доктор.

— Пусть его, — добродушно сказал Пыхачев, — отыщется.

Четвертым на дворе появился аптекарь Клочков. Он был, как всегда, угрюм и не замечал ни солнца, ни неба. Дело в том, что Клочков считал аптеку нудным бременем, зачем-то взваленным судьбой на его плечи. На свою «кухню» он смотрел как на скучную книгу, тысячи раз прочитанную, выученную наизусть и тем не менее заставляющую читать себя снова и снова — каждый день. Надо читать — она дает хлеб. Вот перепелки... — иная штука. За ними — будущее! Это не мази и микстуры, не возня с вонючими жидкостями. Это — путь непрерывных, совершенно исключительных достижений. Одним словом — проблема.

«Перепелиная проблема» заключалась в следующем: Клочков изумительно мог подражать перепелиному пению. Сидя в просе, с расставленными сетями, он настолько искусно выводил трели, так подлаживался под птичий голос, что Томилин, лекпом и пламенный последователь Клочкова, обманывался, а птица бежала как угорелая на предательскую трель и глупо погибала в сетях.

По-видимому, там, в просе, и зародилась у Клочкова мысль превратить поселок в «перепелиный совхоз». Он даже разработал целый план, в котором фигурировали инкубаторы, скрещивания птичьих пород, экспорт, валюта, экскурсии со всех концов Союза и, как итог, — всесветная слава.

Однако замысел этот не встретил нигде должного сочувствия благодаря, как думал Клочков, некультурности бухгалтера-счетовода Белоусова и хозяйственной ограниченности Пыхачева. Поставленный на обсуждение хозяйственного совета «перепелиный план» не нашел ни у кого поддержки, тем более что Белоусов с цифрами в руках доказывал всю абсурдность замысла Клочкова. За это бухгалтер раз и навсегда был лишен права на перепелиное блюдо, которым время от времени, по ве-

ликодушию автора проекта, наслаждались остальные обитатели здорового двора.

Но Ключкова не покидала надежда. Он верил в торжество идеи. Пусть только уберут Белоусова...

2. БОЛЬНОЙ ДВОР

В восемь часов утра в амбулатории начался прием больных. Они шли оттуда, со своего двора, и радовались послегрозovому солнечному утру ничуть не менее, чем обитатели семи белых домов.

Здоровый двор стоял на вершине косогора. Больной — внизу. Между ними сорок саженей пустыря и маленькая аллея из лип.

Какую цель преследовала эта аллея: имела ли она назначение сделать здоровый двор менее доступным для прокаженных, стремилась ли скрыть от него боль и тоску обитателей больного двора или была насажена как некая предосторожность против заноса бактерий — сказать трудно.

Во всяком случае дворы разделялись не аллеей и не пустырем, а проказой. История не только не помнит, когда эта болезнь положила грань между людьми, но она также не знает, когда и как началась сама проказа.

Еще в 484 году до нашей эры жители Персии, как свидетельствует Геродот, одержимые проказой, приравнивались к безумным. Прокаженных объявляли умершими. Над ними свершались обряды отпевания, затем их наряжали в особые одежды, снабжали трещотками и, взяв клятву — не нарушать при встречах со здоровыми людьми предписанных правил, — изгоняли из среды живущих. Им отводили убежища в глухих, безлюдных местах, где они нередко умирали от голода. Трупы их оставались непогребенными. Во всех странах закон панически трепетал перед проказой. В 1453 году французский парламент принял постановление: здоровая жена, сожительствующая с прокаженным мужем, несет наказание у позорного столба, а потом изгоняется из общества. По предписанию корана, всякий правоверный, встретившись с одержимым проказой, должен бежать от него, «как от дикого зверя».

Первые лепрозории возникли по почину ордена святого Лазаря, учрежденного крестоносцами в Иерусалиме в 1134 году. Орден взял прокаженных под свое покровительство. С этого времени началась проповедь о милосердии к одержимым «черной немочью». Их больше не жгли на кострах, как сжигал Аттила, не изгоняли в пустынные места и не ставили в условия, при которых неминуема голодная смерть. Им предоставляли приют, им оказывали помощь. В 1329 году в Париже был учрежден лепрозорий для больных придворных дам. В Англии и Норвегии были созданы убежища «для народа», и уже в 1500-х годах в Европе насчитывалось свыше девятнадцати тысяч лепрозориев. Конечно, все они являлись скорее местами заточения, чем лечебницами.

Пятьсот лет, отделяющие нас от средних веков, не изменив формы болезни, не отыскав пока средства для ее ликвидации, превратили современные лепрозории не только в лечебные учреждения, но и в места, где, по словам одного ученого, больные могут найти «успокоение и облегчение от ноющих язв».

Костров больше нет. Нет отпеваний, позорных столбов и особых одежд. Осталось деление: здоровый двор и больной.

На больном дворе было восемнадцать зданий. Одно было занято кухней и прачечной, другое — клубом. В остальных жили прокаженные — женщины, мужчины, дети... Всего семьдесят восемь человек. Они жили замкнуто, стараясь в покое своего жилья спрятать от всех и свою боль, и свою непотухающую, как болезнь, тоску. Оживление возникало редко — обычно при появлении на дворе новых больных.

Даже известие о войне не вызвало у прокаженных никаких волнений. Да и какое отношение могла иметь к ним война или они к ней? Какие изменения вносила она в их жизнь?

Только у двух человек это известие вызвало некоторое беспокойство: у Аннушки, сын которой служил в солдатах и вот уже полгода как не писал ей писем, да еще у старика Татошкина. Первая была уверена, что ее Яшеньку убьют, а второй желал отправиться «на германца» добровольцем и показать теперешним воякам, как надо воевать. В 1914 году ему пошел шестьдесят девятый год. Татошкин выглядел очень старым. Он едва держался на ногах. Над ним смеялись, и старик сердился.

Кроме этих двух больных, война никого и никак не интересовала.

Иное дело — исцеление! Надежда на него таилась в сердце каждого прокаженного. И странно, у некоторых она была так безмерно велика, что никакая самая безнадежная действительность не могла ее поколебать. Каждый больной, вступая на землю больного двора, считал себя временным гостем. Вот придет срок, и он уйдет, обязательно уйдет здоровым, очищенным, его никто не посмеет удержать здесь.

Впрочем, никто из них никогда никому не высказывал своих предположений.

Они все хранили их про себя.

Так шли дни, месяцы, годы, и в этих годах прокаженные строили свою жизнь. Они старались быть похожими на здоровых людей — в пище, в домашней обстановке, в одежде, в работе... Среди них имелись хорошие мастера — сапожники, портные, столяры. Все они стремились работать в лепрозории так же, как «там», стараясь выполнить свою работу аккуратно, «по совести».

Некоторые лежали в постелях. Болезнь отняла у них силы, здоровье, возможность работать, но оставила единственное сокровище — надежду.

Поднимались они редко и лежали молча, не жалуясь никому ни на боль, ни на одиночество.

В тот день, когда над степью пронеслась гроза, доктор Туркеев работал с особенным увлечением. Он сиял. Предстоящая поездка в город, по-видимому, являлась причиной такого настроения. Он шутил с больными, был словоохотлив, больные улыбались ему. Они любили его, особенно вот таким, как сегодня.

Доктор хотел предупредить больных, что он берется выполнить в городе их поручения, но опоздал — еще рано утром Лидия Петровна обошла с этой целью больной двор.

— Ну, конечно, — громко болтал доктор, — я всегда и везде опоздаю. Куда мне тягаться с молодежью! Ох уж эта молодежь! На ходу подметки режет.

Больные, слушая его болтовню, чувствовали, что в этом человеке бьется хорошее, горячее человеческое сердце.

— Николай Васильевич, — продолжал Туркеев, — ты стал лучше выглядеть.

Совсем молодцом. Лечись, только аккуратно лечись, не ленись, батенька, ручаюсь: нам придется с тобой расстаться. Неужели ты уедешь от нас? И тебе не жалко? А ты, Анисья, почему такая кислая? Квашеной капусты наелась с утра? Нехорошо. Во сне свадьбу видела? Не верь, батенька, снам, пустое дело.

Вот скоро мы выдадим тебя за Трофима — мужик он дельный, умный, и хотя охочий до чужих жен, но ты накрути ему хвост. Трофим, ты возьмешь ее в жены?

Анисья, я приду к тебе сватом от Трофима. Чего ты отворачиваешься? Приду, вот увидишь — приду. А ты, Настенька, все по мужу непутевому плачешь? Не стоит он твоих слез. Раз на другой бабе женился — кончено, все одно что отрезанный ломоть. Вот подожди немного, подлечим тебя и выдадим за орла.

Посмотри-ка на Мотю — вон какая веселая да розовая, будто только что из бани или со свиданья. Ты, Мотя, в кого влюблена? А? Э-эх, сбросить бы мне десятка полтора, приударил бы я за тобой...

В таких разговорах проходил осмотр. И если бы какой-нибудь посторонний заглянул сюда в эту минуту, он ни за что не поверил бы, что здесь идет врачебный осмотр тех самых людей, которых сторонится человечество, «как диких зверей».

Но чудесное настроение Сергея Павловича было внезапно испорчено почти невероятным событием.

Во время осмотра к нему подошел Протасов — один из обитателей больного двора. Уставившись на доктора так, будто он выпил сулемы вместо воды, Протасов сказал:

— Сергей Павлович, несчастье... Такой случай... И скажите на милость...

Доктор Туркеев умолк и сверкнул на Протасова очками.

— Ты чего хочешь?

— Да Строганов — там у себя...

— Что Строганов?

— Повесился Строганов, Сергей Павлович... Ну что вы скажете — такая беда!

— Вот тебе раз. Да ты, батенька, кажется вздор несешь... Как это так?

Среди больных кто-то ахнул. Доктор тяжело уронил свою бороду на халат.

Веселость будто сняло рукой. Он озабоченно протер очки, потом снова принялся выслушивать больного, но не дослушал и передал стетоскоп лектому Томилину.

— Нуте-ка, займитесь вы. — И вышел.

«Ну да, ну да, — твердил он сам себе, спеша на больной двор. — Как же иначе? Ясно. Реалист. Не верил в выздоровление. За тридцать лет ни одного самоубийства, и вот — пожалуйста».

...Строганов висел на веревке, и лицо его было странно спокойным, будто заснул он в петле. На столе горела керосиновая лампа, зажженная еще его рукой. Около лампы лежала клеенчатая тетрадь.

Доктор Туркеев остановился на пороге, взглянул на самоубийцу и покачал головой. Потом подошел к трупу, пощупал пульс и вдруг, повернувшись к Протасову, гневно закричал:

— Прежде всего ясность: в чем дело? Зачем он сделал это?

Не получив ответа, он шагнул к столу, взял тетрадь и, открыв дрожащими руками обложку, прочел на первом листе:

«Доктору Сергею Павловичу Туркееву — врачу и человеку».

— Вот тебе н-на!

Он перевел взгляд на мертвого, будто спрашивая его — что означает сия надпись, и снял очки. Протирал он их долго, со всей тщательностью, хотя в том не было никакой надобности. Потом сказал Протасову:

— Пойдите, зовите людей. Надо же его снять. — И, обратившись к Строганову, тихо произнес:

— С чего это ты, батенька? Ай-яй-яй...

Доктор только сейчас вспомнил, как недели две назад приходил к нему Строганов. О чем он просил? Ах, да... Как глупо. «Чудак, ненормальный, — думал Сергей Павлович, стоя у стола и рассматривая висящего покойника — Как глупо. Больше того, это, батенька, просто возмутительно. Безволие. Слабость...»

Люди пришли и начали снимать тело.

Доктор Туркеев пошел к выходу и в дверях столкнулся с Лидией Петровной.

— Мы нынче, батенька, не поедem в город, — сказал он сурово, не глядя на нее.

Между заведующим лепрозорием, стоящим сейчас в дверях, и утренняя Сергеем Павловичем не было ничего общего.

3. О ЧЕМ МОГ ПИСАТЬ ЧЕЛОВЕК С «ЛЬВИНЫМ ЛИЦОМ»

Доктор Туркеев уселся поудобнее и придвинул поближе к себе лампу.

«Мне кажется все это чрезвычайно странным, — так начинался дневник, — вот я очутился в маленькой светлой комнате, из окна которой видна такая ровная, такая хорошая степь и дальний курган...

Странно: как будто бы ничего не произошло. Вот и стол придвинут к стене, как был он придвинут в моей комнате, там, в селе, в школе, где остались мои ребята. И койка почти такая же... Обстановка как будто ничего не говорит о чудовищном изменении в моей жизни. И только зеркальце всякий раз, как я замечу его, возвращает меня к действительности. Шесть лет здесь жил Карташев, а потом ушел. Выздоровел... Выздоровел ли? Доктор Туркеев говорит: это — неправда. Карташев вовсе не выздоровел. Она лишь притаилась у него. Через пять лет она может вернуться. У него взяли письменное обязательство — являться каждые три месяца на освидетельствование к ближайшему врачу. Карташев — мышь, попавшая в зубы кота и думающая, что она еще может спастись.

Предположим, если со мной произойдет такой же курьез, значит, с меня возьмут подобную расписку? Нет, я этого не хочу. Я не желаю быть мышью...

Если существовал Христос и на самом деле нес бремя креста, он был счастливее прокаженного, ибо знал, что скоро последует смерть. Если каторжанин несет бремя каторги, он знает — оно не вечно, а я моему бремени не вижу конца. Если верить доктору Туркееву, я могу протащить свою прокажу через весь срок положенной мне жизни и затем умереть от малярии. Какая дикая логика!..

Здесь жил человек, который вылечился. Не странно ли? Иногда этот случай пробуждал во мне надежду. Потом я издевался над ней разве может она осуществиться?.. Конечно, нет. Иначе от Карташева не потребовали бы расписки! Но ведь он ушел, значит, поверил... И сейчас он — там, среди здоровых людей, здоровый человек... Даже зеркальце оставил — чудак!

Не знаю почему, но в первое мгновение оно произвело на меня странное впечатление: будто Карташев оставил мне в наследство свою проказу. Я не снял зеркальца и не выбросил его. Я подошел к нему, протер стекло и всмотрелся в отражение. Оттуда глядело обросшее щетиной нелепое лицо — без бровей, без ресниц. Боже мой, что это за лицо. Оно принадлежало мне, Строганову, оно было еще мое. А дальше? Дальше на месте нынешних пятен появятся язвы, и лица, может быть, вовсе не станут, его сменит непозволительная рожа зверя — «львиное лицо», как говорят врачи. Живое тело начинает гнить и расплзаться... В тот день я долго сидел на койке и смотрел в осколок стекла, висевший на стене. Вот оно, последнее убежище, последняя моя пристань! Бровей уже нет, ресниц тоже. И разве я рано или поздно не буду похож на самых страшных из тех, кто живет здесь?

Теперь я понимаю прокаженных в Индии, которые умоляли власти заживо похоронить их. Власти исполняли просьбу прокаженных. Это был акт величайшего человеческого благодеяния.

И впрямь, во имя чего лечат прокаженных? Чтобы снова и снова убедиться в бесполезности лечения? Нелепость! Нелепость!

Так думал я в тот день, сидя на койке, и, когда снова заметил зеркальце, оно опять вернуло мне волю к жизни. Нет, умирать еще рано, подумал я, и ведь неспроста выстроен этот лепрозорий. Я вспомнил о человеке, ушедшем отсюда здоровым, и тогда случай в Индии с заживо погребенными показался мне величайшей глупостью. Врачи обещают. Но разве можно верить обещаниям врачей? Я подошел опять к зеркальцу и долго рассматривал свое лицо. Оно было бронзовое от загара, его бороздили морщины, а на лбу — два темных пятна, оставшихся будто от жирной, не совсем смытой сажи. Значит, это верно: я прокаженный? Неужели она бросилась уже на лицо? Я принялся тереть лоб. Пятна не сходили. Тогда, чтобы проверить окончательно, я зажег папироску, и в этот момент зеркальце отразило еще одно лицо.

На пороге стоял человек.

— С новосельем вас!

Что это было — глупость или простота? Разве принято в таком месте поздравлять с новосельем? Лицо у человека было неподвижно. Его глаза были похожи на мутный жидкий холодец, и в глубине холодца покоилась тупая, давняя тоска.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Первые свидетельства о болеющих лепрой	5
Лепра в древних письменных источниках	6
Прокаженные в Средние Века.....	8
Жизнь заболевших и изучение болезни в первых лепрозориях.....	10
Появление лепры и борьба с ней в России.....	11
Советский быт прокаженных	14
Список используемой литературы.....	17
КНИГА ПЕРВАЯ.....	19
1. Обитатели семи белых домов.....	21
2. Больной двор.....	24
3. О чем мог писать человек с «львиным лицом».....	29
4. Прокаженный изучает природу.....	41
5. Картины Кравцова.....	45
6. Протасов слушает Кравцова	52
7. Петя и Арлюк.....	60
8. Двое новых.....	71
9. Конец Басова	79
10. Лучи «оттуда»	87
11. Прошедшие мимо	96
12. Человек, требующий уничтожения проказы	105
13. Ахмед	111
14. Ромашка пытается приподнять занавес	122
15. Дети	132
16. «Ленивая смерть».....	139
17. Однажды зимним вечером	149
18. Снова суд.....	159
19. Джиованни Гольдони.....	172

КНИГА ВТОРАЯ.....	191
1. Необычный случай	193
2. Желанный гость.....	200
3. Пришелец с другой планеты.....	212
4. Одна из многих странностей.....	224
5. Семейный вопрос доктора Туркеева.....	231
6. Открывается один маленький, но интересный секрет	237
7. Мнение постороннего человека.....	247
8. История одной жизни	266
9. Мастер с большого двора	277
10. Возвратившиеся	287
11. Опыты	297
12. Сложный вопрос.....	305
13. Закон остался в силе.....	320
14. Беспокойные люди.....	328
15. Новости из Москвы.....	342
16. Судьба детей.....	353
17. Медицинская ошибка	358
18. Тайна палочки Ганзена.....	375
19. Полноправные	387
20. Большое торжество.....	403